

УДК 811.161.1

Л.В. Семенова

АРХЕТИПИЧЕСКОЕ НАЧАЛО В ЖЕНСКИХ ОБРАЗАХ Е. ЕВТУШЕНКО

Проблемой изучения архетипа и его функционирования в художественной литературе занимались многие исследователи. Наиболее известные работы в этой области принадлежат Карлу Юнгу. В своей работе «Архетип и символ» он дает определение архетипов: «...изначальные типы, т.е. испокон веку наличные всеобщие образы» [15, с. 291]. По мнению А.А. Фаустова, архетип может обозначать «универсальный образ или сюжетный элемент, или их устойчивые сочетания разной природы и разного масштаба (вплоть до авторских архетипов)» [13, с. 24]. Известный исследователь в области теории архетипического А.Ю. Большакова полагает, что литературный архетип – это «сквозная», «порождающая модель», которая, несмотря на наличие способности к внешним изменениям, имеет константное ценностно-смысловое ядро [3]. Учитывая наличие различных подходов к определению архетипа, которые приводят к размытости границ понятия, отметим, что нам в этом вопросе ближе позиция С.С. Аверинцева, который указывает на то, что «архетипы – это не сами образы, а схемы образов, их психологические предпосылки, их возможность» [1, с. 110]. Из данного понимания архетипа мы и будем исходить в своей работе.

В.Е. Хализев отмечает, что искусство XX века обращается к «универсалиям сознания и быта (“архетипы”, “вечные символы”) весьма настойчиво и активно, что стимулирует и научное изучение подобных универсалий» [14, с. 387]. Кроме А.Ю. Большаковой, к исследованию функционирования архетипа в литературе обращались О.В. Авасапянц, Н.В. Володина, А.Х. Гольденберг, Ю.В. Доманский, Е.М. Мелетинский, А.А. Фаустов, Ю.А. Чаплыгина, Е.В. Чеснокова и многие другие.

В качестве важнейших универсальных мифологических архетипов К.Г. Юнг выделял архетипы «матери», «дитяти», «тени», «анимуса» («анимы»), «мудрого старика» («мудрой старухи») [12, с. 6].

Архетип женщины (в теории К.Г. Юнга анимы) – один из важнейших архетипов, основополагающих пробразов мировой культуры. Это в полной мере относится и к русской культуре. В.А. Коханова отмечает, что важнейшей особенностью архетипа женщины в русской культуре является его универсальность, и высказывает предположение, что традиционно в спектр характеристик женщины входят такие роли в социуме, как материнство, связанное не только с самим фактом рождения детей, но также и с их опекой и защитой на протяжении всего жизненного пути [11, с. 159-160]. По мнению исследовательницы, присущее женщине «организующее начало» позволяет рассматривать ее как «гаранта устойчивости существующего миропорядка»; «носительницу мудрости»; «высшую награду»; «соратницу», что «отображается в народном сознании в виде богатырши, жены, дочери» [там же].

Характеризуя особенности архетипа женщины, в частности, выделяемого Клариссой Пинколой Эстес архетипа «Первозданная Женщина» как естественного существа, в котором аккумулированы созидательное начало, доброта, сострадание, сопереживание, А.Ю. Большакова с опорой на современные теории архетипа говорит о трех основных его типах в литературе и культуре в целом: «Женщина-Мать (мать-природа и земная женщина), Женщина-Демон (олицетворение пороков и соблазнов, ведущих человека к гибели) и Женщина-Дева (носительница светлого, идеального небесного начала)» [2, с. 169]. Исходя из подобного представления о женском архетипе и его типологии, рассмотрим женские образы, созданные выдающимся поэтом-«шестидесятником» Евгением Евтушенко.

Целью нашей статьи является анализ женских образов, представленных в поэзии Е.А. Евтушенко, с точки зрения отражения в них архетипического начала.

Одно из центральных мест в системе женских образов Е. Евтушенко занимает, на наш взгляд, образ матери, тяготеющий к архетипу Женщины-Матери, который изначально связывался с природой и идеей плодородия. В творчестве Евтушенко есть произведения, само название которых отсылает к этому архетипическому образу: «Мать Маяковского» (1954), «Поздравляю вас, мама, с днем рождения вашего сына» (1956), «Мама» (1957), «Уходят матери» (1960), «Мать» (1969), «У сына и матери есть роковое неравенство...» (1975), «Мама и нейтронная бомба» (1982), «Всё больше, больше моей маме лет» (1994) и др. (здесь и далее курсив наш. – Л. Семенова). Кроме того, существует ряд стихотворений, в названиях которых нет слова «мать» («мама»), но в них воссоздается конкретный или собирательный образ матери: «Я комнату снимаю на Суцевской...» (1958), «Опять на станции Зима» (1963), «Баллада о колбасе» (1967), «Хранительница очага» (1983) и др.

Уже исходя из названия стихотворения «Мать» (1969), можно с уверенностью утверждать, что центральным в нем является образ женщины-матери, который, в отличие от ребенка (сына) «со стружками льняными на висках» [8, с. 276], никакими индивидуальными чертами не наделен, что позволяет видеть в нем обобщенный образ матери. Поэт восхищается женщиной-матерью: «Прекрасна мать с ребенком на руках» [8, с. 276]. И уже эта первая строка стихотворения вызывает устойчивую ассоциацию с привычным изображением мадонны с младенцем, которая в нашем культурном сознании является олицетворением материнской любви (включающей и самоотверженность, и готовность к самопожертвованию!) как величайшей человеческой ценности. Показательно, что подобное архетипическое содержание образа матери поэт принимает как данность и не подвергает сомнению. Материнство для женщины – это счастье: «У матери *от счастья* в горле ком...», ребенок для нее – «всевластный повелитель» [8, с. 276]. Она свято уверена в своем ребенке как обладателе лучших человеческих качеств, честности и правдивости, не сомневается в том, что он не обманет и не предаст: «...чужие сыновья на все

способны, / но не способен собственный ко лжи» [8, с. 276]. Не случайно поэт переносит акцент на сыновнюю неблагодарность и способность к обману, предательству: «И вдруг однажды явно он солжет, / и пошатнется самое святое, / и ложь ребенка серной кислотой / слепое сердце матери сожжет» [8, с. 276]. Обратим внимание на использование поэтом олицетворяющего эпитета, характеризующего материнское сердце, – *слепое*. Мать любит ребенка всем сердцем, любит безоговорочно, *слепо*. Эта материнская любовь – природная, изначальная.

Мать – первая Женщина, с которой общается ребенок, сын, «первый и самый важный объект» его любви, «центр его мира», но и «контейнер энергии базовых влечений, объект, почти механически удовлетворяющий основные потребности, а ее личность практически не принимается в расчет» [10, с. 101]. Тот образ матери (и ребенка), который создается в анализируемом стихотворении Евтушенко, вполне согласуется с подобным пониманием проблемы.

Финальное четверостишие стихотворения позволяет сделать вывод, что Евтушенко в каждой земной женщине усматривает это исконное, архетипическое начало: «Мы все когда-то начинаем лгать, / но сколько бы в грядущем и прошедшем / мы с вами ни обманывали женщин, / есть первая обманутая – мать» [8, с. 276]. Поэт подчеркивает, что отношение мужчины к женщине формируется на основе его отношения к собственной матери.

В стихотворении «Поздравляю вас, мама, с днем рождения вашего сына» (1956) поэт уже в самом названии дает понять о неразрывной связи, которая существует между матерью и сыном (ребенком): «Поздравляю вас, мама, с днем рождения вашего сына. / За него вы волнуетесь, и волнуетесь сильно» [7, с. 150]. Лирический герой акцентирует внимание на том, что событие, о котором идет речь в произведении, является для героев одинаково важным, возможно, для матери, первопричастной к нему, оно даже важнее, чем для сына, на которого она смотрит «светло и туманно...» [7, с. 150]. Поэт выстраивает в стихотворении своеобразную иерархию ценностей: «Вы не дали ни славы ему, ни богатства, / но зато *подарили талант*

не бояться» [7, с. 150]. Архетип матери предполагает не только рождение ребенка, но и заботу о нем. И мать отдает все, что у нее есть, – и в прямом, и в переносном смысле, учит жить, проявляет постоянную заботу о ребенке, даже ставшем взрослым. Волнение матери, очевидно, связано с тем, что взрослый сын «...худущий, большой и неприбранный, / неразумно женатый, для дома неприбыльный» [7, с. 150]. И он, действительно, с точки зрения Евтушенко, нуждается в материнской опеке, заботе и внимании как самой мощной поддержке. Не случайно завершается стихотворение обращением к матери: «Отворите же окна в листву и чириканье, / поцелуем глаза его пробудите, / подарите ему тетрадь и чернильницу, / молоком напоите и в путь проводите...» [7, с. 150]. Не вызывает сомнений присутствие в данном стихотворении автобиографического начала. В то же время в образе матери, несомненно, преобладают обобщающие черты, сближающие этот образ с архетипом Женщины-Матери, связанным с ее первоначальной природной ролью как дарящей жизнь и заботящейся о ребенке.

В стихотворении «У сына и матери есть роковое неравенство...» (1975) автор снова обращается к теме отношений матери и ее уже взрослого единственного сына. Сын для матери – это «последний мужчина, которому женщине хочется нравиться, / с которым нарядной ей хочется быть...» [6]. Поэт осознает исключительную значимость сына для матери: это главный человек в ее жизни – ребенок, которого она, прилагая все свои силы («Тянувшей меня, подневольно сгибаясь в дугу» [6]), вырастила в мужчину.

Начинается стихотворение обобщением: «У сына и матери есть роковое неравенство, / Особенно, если он взрослый и только один...» [6]. Затем эти обобщенные образы матери и сына трансформируются в конкретные: это уже лирический герой (в данном случае сам поэт) и его мать: «Когда *моя* мама тихонько садится на краешек / Постели *моей*, сняв промокшие ботики с ног...» [6]. В конце стихотворения – снова обобщенные, единственное число заменяется множественным: «Когда *мы* *стареем*, тогда с бесполезным раскаяньем / *Мы* к *мам* приходим на холмики влажной земли, / И *мам* тогда, ничего не

скрываая, *рассказываем* / Все то, что в глаза им когда-то сказать *не смогли*» [6]. Связь образа матери в этом стихотворении, как и в рассмотренном выше, с архетипом Женщины-Матери, не вызывает сомнений. В то же время центральный в стихотворении образ демонстрирует и связь с другой разновидностью архетипа «Первозданная Женщина» – Женщина-Дева. Мама – это все-таки женщина, которой хочется «нарядной быть» и «нравиться», что связано с присущим женскому архетипу стремлением к красоте, эстетизмом.

Как мы уже отмечали, в творчестве Евтушенко есть стихотворения, в названии которых отсутствует слово «мама» («мать»), но в то же время наличествует архетипический образ Женщины-Матери. Так, лирический герой стихотворения «Я комнату снимаю на Сущевской...» (1958), тоскуя в одиночестве и рассуждая о собственной жизни, признается: «Но если побежден, как на беду, / уже взаправду <...> чьей-то просто тупостью и мелкостью, / куда иду? / Я к матери иду» [7, с. 440]. Он идет к матери за поддержкой как к самому близкому человеку, который всегда поймет, найдет нужные слова и излечит душу: «Здесь надо мной не учиняют суд, / а наливают мне в тарелку суп. / Здесь не поймут стихов моих превратно, / а если и ворчат – / ворчат приятно. <...> ...нравоученьям маминым внимаю, / киваю удрученной головой, / но чувствую – / я все-таки живой. / И мысли облегченные скользят...» [7, с. 440]. В образе матери можно увидеть архетипические черты: она оберегает своего ребенка, «не учиняет над ним суд, ворчит приятно» [7, с. 440]. И он чувствует себя «живым», можно сказать, заново рожденным: «...и мучившее час тому назад / мне поражение кажется победой...» [7, с. 440].

В творчестве поэта встречается и приобретающий символическое значение собирательный образ матери, который, на наш взгляд, можно рассматривать в рамках реализации архетипа матери. В стихотворение «Опять на станции Зима» (1963) автор вводит образ женщины такими словами: «И вдруг я вздох услышал женский: / «Ах, только б не было войны!» <...> ...и, замревши на ходу, / я, что-

то вещее почуя, / как тень суровую ночную, / увидел женщину одну» [5]. Женщина эта стояла у здания военкомата, где когда-то провожала на войну мужа, а потом, «дитем тяжка», получила «бумажку страшную» – похоронку [5]. Судьба этой женщины становится воплощением судеб всех вдов, потерявших мужей на войне: «Она сама взрастила сына. / Она работала зверино. / (Весь тыл – громадину-махину – / тащили бабы, как волю» [5]. Так, постепенно из вполне конкретного образа женщины, стоящей у перил военкомата, вырастет собирательный образ всех женщин-матерей с похожей (и достаточно типичной для той эпохи) судьбой. Не случайно Евтушенко сравнивает женщину – мать и труженицу – с Богородицею: «Вознесена, как мать божья, / она, простая мать, над ложью, / над грязью чьей-то суетни...» [5]. Поэт сам видит в своей героине символ женщины-матери и родины: «С надеждой, мужеством и силой / она стоит, *как вечный символ всех матерей и всех детей, / как символ Родины моей*» [5]. Женщина выступает здесь как поборница мира и миротворица, дающая и охраняющая жизнь, как «гарант устойчивости существующего миропорядка» [11, с. 159–160]. Об этом напоминает многократно повторенное в тексте стихотворения восклицание: «*Ах, только б не было войны!*» [5]. Таким образом, есть основания говорить о воплощении в данном женском образе черт Женщины-Матери и Женщины-Девы – «носительницы светлого, идеального небесного начала» [2, с. 169].

А.Ю. Большакова применительно к современной «женской прозе» отмечает, что подобным образом «формируется в повествовании “двойной” взгляд, позволяющий реконструировать – сквозь бытовую, обыденную изнанку вещей – скрытые, подлинные их смыслы и образы» [2, с. 171]. Этот вывод можно применить и к характеристике женских образов, воплощенных во многих стихотворениях Евтушенко.

Подобный прием трансформации конкретного образа в собирательный образ, образ-обобщение используется поэтом и в стихотворении «Хранительница очага» (1983), где Евтушенко создает яркий и запоминающийся образ женщины – жены, любимой,

матери, добиваясь целостности воплощения архетипа «Женщины Первозданной». Жена лирического героя (а это, несомненно, образ автобиографический) становится воплощением этого архетипа, что вычитывается из текста стихотворения: «И в газовых синих очах / кухонной московской плиты / недремлющий вечный очаг / и вечная женщина – ты. <...> А как очищается суть / всего, что внутри и кругом, / когда освещается путь / и женщиной, и очагом!» [9, с. 504]. Обращает на себя внимание не только эпитет «вечная» к слову «женщина» (и «вечный» к слову «очаг»), но и привычное уподобление дома и семьи очагу, а также жилища пещере, что в комплексе работает на идею вневременности (или всевременности) тех основных категорий, о которых идет речь в стихотворении. Кроме того, образ жены (женщины) имплицитно соотносится с образом Богоматери: «Очерчена золотом грудь. / Ребенок сосет глубоко...» И снова, как и в предыдущем примере, возникает в тексте мотив женщины-миротворщицы: «Всем бомбам тебя не спугнуть, / когда ты даешь молоко» [9, с. 504].

В стихотворении «Бабушки» (1968) женское архетипическое начало находит воплощение в образе бабушек: «Россия наша держится на бабушках, / и вся Россия в бабушках, как в башенках / невыветренной совести своей» [9, с. 504]. Глаза у них «всепрощающе печальные», сами они «разума тишайшие светильники», «вечные Арины Радионовны». «К любой из них во сне приходит *девочка*» [9, с. 504], которой когда-то каждая из них была и которая в них живет до сих пор. Здесь в образах бабушек воплощается архетип Женщины-Матери, заботящейся о детях. Причем речь идет как о детях в буквальном смысле – внуках, которых они возят в колясках по скверам, так и о родине как ребенке, заботами которого, его будущим (реальными детьми – «курносими надеждами нашей Родины») они живут. И вновь возникает аллюзия к образу мадонны с младенцем – Богоматери: «...но у России зубы вновь прорезываются / в руках у грустных бабушек её» [9, с. 504]. Таким образом, бабушки в этом стихотворении выступают в качестве «носительниц мудрости» и

«гаранта устойчивости существующего миропорядка» [11, с. 159-160].

Многие произведения Евтушенко посвящены человеческим, часто именно женским судьбам – простым и сложным. Одна из самых драматических раскрывается в стихотворении «Настя Карпова» (1968), где возвышается образ женщины – верной жены, которая ждет своего любимого мужа с войны: «Пристают они почему? / Неужели нету понятия – / Только Петька мне нужен мой! <...> Поскорей бы вернулся домой» [4]. Настя Карпова верно ждала своего возлюбленного, несмотря на внимание со стороны других мужчин и зависть окружающих женщин: «Сколько баб ей в «Зиме» завидовало, / Что такая она была. <...> Сколько помню, со всех сторон / Над ее головою каркало / Молодых и старых ворон» [4]. На наш взгляд, можно говорить об имплицитной связи образа Насти Карповой с гомеровской Пенелопой, которая хранила верность своему мужу Одиссею в течение долгих 20 лет и верила в его возвращение, вопреки распространяемым слухам о его гибели. Только финал стихотворения оказывается более трагическим: вернувшись домой в 43 году, раненый муж «...сначала со сплетнями встретился, / А потом уж с Настей самой» [4] и поверил сплетням, и выгнал верную жену из дому... Нам представляется, что и в данном случае также можно говорить об архетипических основах женского образа, созданного Е. Евтушенко, о воплощении в нем черт Женщины-Девы.

Для Евтушенко-поэта характерно «стремление к восстановлению женской идентичности, к обретению женственности, во многом утраченной в *военные* и последующие исторические периоды» [2, с. 172]. В стихотворении «Благодарность» (1968) поэт выражает удивление и даже негодование по поводу того, что, «Забыв про смысл ее первопричинный, / мы женщину сместили. Мы ее / унизили до равенства с мужчиной. <...> мужчины стали чем-то вроде баб, / а женщины – почти что мужиками» [8, с. 217]. Лирический герой Евтушенко убежден, что если к женщине относиться именно как к женщине – нежно и бережно, с любовью и заботой, то она

преобразится, вернется к своей идентичности, в ней пробудится «Женщина Первозданная»: «О, господи, как сгиб ее плеча / мне вмялся в пальцы голодно и голо / и как *глаза неведомого пола / преобразались в женские*, крича! // Потом их сумрак полузаволок. / Они мерцали тихими свечами... / Как мало надо женщине – мой Бог! – / чтобы ее за женщину считали» [8, с. 217].

Тот же мотив находим мы и в стихотворении «Неразделённая любовь» (1971): «О, сколько их, таких здоровяков, / страдающих отсутствием страданий. / Для них есть бабы: нет прекрасной дамы. / А разве сам я в чем-то не таков?» [8, с. 379]. Поэта беспокоит то, что мужчины становятся неспособны к настоящей самоотверженной любви и утрачивают «дар божий любви»; «а рыцарство печальных Сирано ... из мужчин переместилось в женщин» [8, с. 380]. Поэт обвиняет отцов, мужей, сыновей, общество и конкретно себя в униженности и страданиях женщины. Женщина по природе своей нежна и слаба, полагает поэт («Женщины, вы все, конечно, слабые! / Вы уж по природе таковы» [7, с. 327]), а общество взвалило на ее плечи тяжелую ношу, с которой она мужественно справляется. Лирический герой Евтушенко убежден в несправедливости подобной ситуации, в ее противоприродности: «И когда я вижу вас над рельсами / с ломami тяжелыми в руках, / в сердце моем боль звенит надтреснуто: / «Как же это вам под силу, как?»» («Женщинам» (1961)) [7, с. 327]. Для него характерно нежное и бережное отношение к женщине, достойной восхищения и любви: «Я люблю вас нежно и жалеющее, / но на вас завидуя смотрю, / *Лучшие мужчины – это женщины*. / Это вам я точно говорю» [7, с. 327].

Пожалуй, не только ни один из поэтов-«шестидесятников», но и вообще ни один поэт-мужчина не проникает так глубоко в психологию женщины, в женскую душу, как Е. Евтушенко, его лирический герой говорит о себе: «Но я, наверно, женщинам *сестра...*» («Женщинам» (1961)); «*Как женщина, сокрытая в мужчине, / я женщине любимой отдаюсь*» («Мужчины женщинам не отдаются» (2004)); «*И хотел бы я женщиной быть – хоть однажды...*» («Хотел бы я» (1972)). Подобного рода мотивы сострадания, сожаления, покаяния и т.п.

характерны для целого ряда стихотворений Евтушенко, связанных с темой женщины.

Подводя итоги исследования, мы можем сделать следующие выводы. Одно из центральных мест в системе женских образов Евгения Евтушенко занимает образ матери, тяготеющий к архетипу Женщины-Матери, который изначально связывался с природой и идеей плодородия, ее первоначальное предназначение – рожать, дарить жизнь, вскармливать и заботится о своем ребенке. Поэт нередко прибегает к соединению в женском образе конкретных и обобщающих черт. Женщина в творчестве Евтушенко – это практически всегда воплощение женственности, нежности, доброты, мягкости, сердечности, умения создавать уют. Кроме того, она хранительница очага, гарант устойчивости – как семейных отношений, так и существующего миропорядка. При всей своей природной слабости она сильная, способная вынести на своих плечах и тяготы войны, и сложной повседневной жизни. Женские образы Евтушенко, как правило, являются воплощением таких разновидностей архетипа женщины, как Женщина-Мать и Женщина-Дева. Тип Женщина-Демон как «олицетворение пороков и соблазнов, ведущих человека к гибели» [2, с. 169] не характерен для его поэзии.

Важно отметить, что, создавая женские образы, Евтушенко стремится к «восстановлению женской идентичности», к возвращению женщине утраченной ею женственности, нежности. Способность поэта посмотреть на мир глазами женщины, своего рода гендерное перевоплощение его лирического героя, мотивы сострадания, сожаления, покаяния и т.п., характерные для целого ряда стихотворений Евтушенко, связанных с темой женщины, выделяют его среди поэтов-мужчин и делают его творчество в этом отношении уникальным поэтическим явлением.

Литература

1. Аверинцев С.С. Архетипы. Мифы народов мира: *Энциклопедия: в 2 тт.* Москва: Советская энциклопедия, 1980. Т. 1. С. 110–111.

2. Большакова А.Ю. Гендер и архетип: «Первозданная Женщина» в современном мире. *Общественные науки и современность*. 2010. № 2. С. 167–176.
3. Большакова А.Ю. От сущности к имени. *Теории архетипа*. Часть I. Ульяновск: Ул ГТУ, 2010, 207 с.
4. Евтушенко Е.А. Настя Карпова: стихотворение. URL: https://45parallel.net/evgeniy_evtushenko/nastya_karпова.html (дата обращения 20.03.2020).
5. Евтушенко Е.А. Опять на станции Зима: стихотворение. URL: http://ev-evt.net/poem/zima/again_zima.php (дата обращения 23.03.2020).
6. Евтушенко Е.А. У сына и матери есть роковое неравенство...: стихотворение. URL: https://www.liveinternet.ru/users/4995290/post368963_673/ дата обращения 23.03.2020).
7. Евтушенко Е.А. Собрание сочинений: в 3 томах. Москва: Художественная литература, 1983–1984. Т. 1: Стихотворения и поэмы 1952–1964, 1984. 559 с.
8. Евтушенко Е.А. Собрание сочинений в 3 томах. Москва: Художественная литература, 1983–1984. Т. 2: Стихотворения и поэмы 1965–1972, 1984. 494 с.
9. Евтушенко Е.А. Собрание сочинений: в 3 т. Т. 3: Стихотворения и поэмы 1973–1983. Москва: Художественная литература, 1984. 543 с.
10. Коряков Я.И. Эволюция родительских образов в психоанализе. *Психология развития, возрастная и педагогическая психология*. С. 101–123. URL: <http://elar.urfu.ru/bitstream/10995/3974/3/pv-11-03.pdf>.
11. Коханова В.А. Архетип женщины в романе М.А. Булгакова «Белая Гвардия». *Вестник Московского государственного областного университета. Серия «Русская филология»*. 2007. № 2. С. 159–166.
12. Мелетинский Е.М. О литературных архетипах. Москва: Рос. гос. гуманит. ун-т, 1994. 136 с.
13. Фаустов А.А. Архетип. *Поэтика: словарь актуальных терминов и понятий* / гл. науч. ред. Н.Д. Тамарченко. Москва: Издательство Кулагиной; Intrada, 2008. С. 24.
14. Хализев В.Е. Теория литературы: Учебник. 3-е изд., испр. и доп. Москва: Высшая школа, 2002. 437 с.
15. Юнг К.Г. Архетип и символ. Москва: Ренессанс, 1991. 304 с.

References

1. Averinczev S.S. Arkhetipy` [ Archetypes]. *Mify` narodov mira: E`ncziklopediya: v 2 tt.* Moskva: Sovetskaya e`ncziklopediya, 1980. T. 1. S. 110–111.
2. Bol`shakova A.Yu. Gender i arkhety: «Pervozdannaya Zhenshhina» v sovremennom mire [Gender and archetype: “The Primeval Woman” in the modern world]. *Obshhestvenny`e nauki i sovremennost`*. 2010. № 2. S. 167–176.
3. Bol`shakova A.Yu. Ot sushhnosti k imeni. Teorii arkhetypa [From entity to name. Archetype theories]. Chast` I. Ul`yanovsk: Ul`GTU, 2010, 207 s.
4. Yevtushenko Y.A. Nastya Karpova: stikhotvorenie [Nastya Karpova: poem]. URL: https://45parallel.net/evgeniy_evtushenko/nastya_karpova.html (data obrashheniya 20.03.2020).
5. Yevtushenko Y.A. Opyat` na stanczii Zima: stikhotvorenie [Again at Zima station: a poem]. URL: http://ev-evt.net/poem/zima/again_zima.php (data obrashheniya 23.03.2020).
6. Yevtushenko Y.A. U sy`na i materi est` rokovoe neravenstvo...: stikhotvorenie [Son and mother have fatal inequality ...: poem]. URL: <https://www.liveinternet.ru/users/4995290/post368963673/> (data obrashheniya 23.03.2020).
7. Yevtushenko Y.A. Sobranie sochinenij: v 3 tomakh [Collected Works: in 3 volumes]. Moskva: Khudozhestvennaya literatura, 1983–1984. T. 1: Stikhotvoreniya i poe`my` 1952–1964, 1984. 559 s.
8. Yevtushenko Y.A. Sobranie sochinenij v 3 tomakh [Collected Works: in 3 volumes]. Moskva: Khudozhestvennaya literatura, 1983–1984. T. 2: Stikhotvoreniya i poe`my` 1965–1972, 1984. 494 s.
9. Yevtushenko Y.A. Sobranie sochinenij: v 3 tomakh [Collected Works: in 3 volumes]. T. 3: Stikhotvoreniya i poe`my` 1973–1983. 543 s.
10. Koryakov Ya.I. E`volyucziya roditel`skikh obrazov v psikhooanalize [The evolution of parental images in psychoanalysis]. *Psikhologiya razvitiya, vozrastnaya i pedagogicheskaya psikhologiya*. S. 101–123. URL: <http://elar.urfu.ru/bitstream/10995/3974/3/pv-11-03.pdf>.
11. Kokhanova V.A. Arkhetip zhenshhiny` v romane M.A. Bulgakova «Belaya Gvardiya» [The archetype of a woman in the novel by M.A. Bulgakova “The White Guard”]. *Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo oblasnogo universiteta. Seriya «Russkaya filologiya»*. 2007. № 2. S. 159–166.

12. Meletinskij E.M. O literaturny`kh arkhetypakh [About literary archetypes]. Moskva: Ros. gos. gumanit. un-t, 1994. 136 s.
13. Faustov A.A. Arkhetip [Archetype]. *Poe`tika: slovar` aktual`ny`kh terminov i ponyatij* / gl. nauch. red. N.D. Tamarchenko. Moskva: Izdatel`stvo Kulaginoj; Intrada, 2008. S. 24.
14. Khalizev V.E. Teoriya literatury [Theory of literature]: Uchebnik. 3-e izd., ispr. i dop. Moskva: Vy`sshaya shkola, 2002. 437 s.
15. Yung K.G. Arkhetip i simvol [Archetype and symbol]. Moskva: Renessans, 1991. 304 s.

Анотація

Л.В. Семенова. Архетипові риси у жіночих образах Є. Євтушенка

Стаття присвячена дослідженню жіночих образів в поезії Є.О. Євтушенка крізь призму виявлення в них архетипових рис. Проблемою вивчення архетипу і його функціонування в художній літературі займалося багато дослідників. Серед них К.Г. Юнг, С.С. Аверінцев, О.В. Авацапанц, А.Ю. Большакова, Н.В. Володіна, А.Х. Гольденберг, Ю.В. Доманський, Є.М. Мелетинський, А.А. Фаустов, Ю.О. Чаплигіна, О.В. Чеснокова і багато інших. Враховуючи наявність різних підходів і розмитість меж поняття архетипу, ми спиралися на його розуміння, запропоноване С.С. Аверінцевим: «архетипи – це не самі образи, а схеми образів, їх психологічні передумови, їх можливість».

В основу дослідження був покладений запропонований Клариссою Пінкола Естес архетип «Первозданної Жінки» і сучасний погляд на його типологію в літературі і культурі, що представлений у роботах А.Ю. Большакової та ін.: Жінка-Мати, Жінка-Демон і Жінка-Діва.

За нашими спостереженнями, активно представлений у творчості Євтушенка образ матері нерідко характеризується поєднанням конкретного і узагальнюючого і є носієм рис, що зближують його з архетипом Жінка-Мати. У деяких випадках він ускладнюється також наявністю рис, характерних для Жвнки-Диви.

Жіночі образи у творчості Євтушенка, як правило, є втіленням жіночності, ніжності, доброти, сердечності, вміння створювати затишок. Поета бентежить те, що жінка у сучасному соціумі втрачає жіночність, і він прагне «відновлення жіночої ідентичності». Здатність поета подивитись на світ очима жінки, свого роду гендерне перевтілення його ліричного героя, мотиви співчуття та каяття, що характерні для цілої низки його творів,

пов'язаних з темою жінки, виділяють його серед поетів-чоловіків і роблять його творчість у цьому сенсі унікальним художнім явищем.

Аналіз поетичних текстів Євтушенка дозволяє стверджувати, що в систему створених ним жіночих образів переважають такі різновиди архетипу жінки, як Жінка-Мати і Жінка-Діва. Звернення до типу Жінки-Демона не характерне для поета.

Ключові слова: жіночий образ, типологія, архетип, Жінка-Мати, Жінка-Діва, гендерне перетілення.

Аннотация

Л.В. Семенова. Архетипическое начало в женских образах

Е. Евтушенко

Статья посвящена исследованию женских образов в поэзии Е.А. Евтушенко сквозь призму проявления в них архетипических черт. Проблемой изучения архетипа и его функционирования в художественной литературе занимались многие исследователи. Среди них К.Г. Юнг, С.С. Аверинцев, О.В. Авасянц, А.Ю. Большакова, Н.В. Володина, А.Х. Гольденберг, Ю.В. Доманский, Е.М. Мелетинский, А.А. Фаустов, Ю.А. Чаплыгина, Е.В. Чеснокова и многие другие. Учитывая наличие различных подходов и размытость границ понятия архетипа, мы опирались на его понимание, предложенное С.С. Аверинцевым: «архетипы – это не сами образы, а схемы образов, их психологические предпосылки, их возможность».

В основу исследования был положен предложенный Клариссой Пиколо Эстес архетип «Первозданной Женщины» и современный взгляд на его типологию в литературе и культуре, представленный в работах А.Ю. Большаковой и др.: Женщина-Мать, Женщина-Демон и Женщина-Дева.

По нашим наблюдениям, активно представленный в творчестве Евтушенко образ матери нередко характеризуется соединением конкретного и обобщенного и является носителем черт, сближающих его с архетипом Женщина-Мать. В некоторых случаях он осложняется также наличием черт, характерных для Женщины-Девы.

Женские образы в творчестве Евтушенко, как правило, являются воплощением женственности, нежности, доброты, сердечности, умения создавать уют. Поэт обеспокоен тем, что в современном социуме женщина утрачивает женское начало, и стремится к «восстановлению женской

идентичности». Способность поэта посмотреть на мир глазами женщины, своего рода гендерное перевоплощение его лирического героя, мотивы сострадания, сожаления, покаяния, характерные для целого ряда стихотворений Евтушенко, связанных с темой женщины, выделяют его среди поэтов-мужчин и делают его творчество в этом отношении уникальным художественным явлением.

Анализ целого ряда поэтических текстов Евтушенко позволил утверждать, что в системе созданных им женских образов преобладают такие разновидности архетипа женщины, как Женщина-Мать и Женщина-Дева. Обращение к типу Женщины-Демона не характерно для поэта.

Ключевые слова: женский образ, типология, архетип, Женщина-Мать, Женщина-Дева, гендерное перевоплощение.

Summary

L.V. Semenova. The archetypal origin in the female images of Ye. Yevtushenko

The article is devoted to female images in the poetry of Ye. A. Yevtushenko study through the prism of archetypal features manifestation in them. The problem of studying the archetype and its functioning in fiction has been dealt with by many researchers. Among them there are K.G. Jung, S.S. Averintsev, O.V. Avasapyants, A.Yu. Bolshakova, N.V. Volodina, A.Kh. Goldenberg, Yu.V. Domansky, E.M. Meletinsky, A.A. Faustov, Yu.A. Chaplygina, E.V. Chesnokova and many others. Considering various approaches and the blurring of the boundaries of the concept of an archetype, we relied on proposed by S.S. Averintsev: “archetypes are not the images themselves, but the patterns of the images, their psychological premises, their possibility.”

The research is based on the archetype of the “Primordial Woman” proposed by Clarissa Pikola Estes and a modern look at his typology in literature and culture, presented in the works of A.Yu. Bolshakova and others : Woman-Mother, Woman-Demon and Woman-Virgo.

According to our observations, the image of mother actively represented in Yevtushenko’s poems is often characterized by a combination of concrete and generalized and is the bearer of features that bring him closer to the Woman-Mother archetype. In some cases, it is also complicated (added) by the presence of traits characteristic of the Virgo-Woman.

Female images in the poems of Yevtushenko, as a rule, are the embodiment of femininity, tenderness, kindness, warmth, and the ability to create

family comfort. The poet is worried that in modern society, a woman has been losing her femininity, and is striving to “restore female identity.” The poet’s ability to look at the world through the eyes of a woman is a kind of gender reincarnation of his lyrical hero. The motives of compassion, regret, repentance, characteristic of a number of poems by Yevtushenko related to a woman, distinguish him from male poets and make his work unique.

An analysis of a number of poetic texts by Yevtushenko made it possible to confirm that in the system of female images created by him, such varieties of the woman’s archetype as Woman-Mother and Woman-Virgo prevail. The appeal to the type of Demon- Woman is not characteristic of the poet.

Key words: female image, typology, archetype, Woman-Mother, Woman-Virgo, gender reincarnation.

Інформація про автора

Семенова Людмила Валентинівна – аспірантка кафедри світової літератури Харківського національного педагогічного університету імені Г.С. Сковороди; вул. Валентинівська, 2, м. Харків, 61168, Україна; e-mail: slyudmila036@gmail.com; <https://orcid.org/0000-0001-9644-0868>.